

В. И. Крусс¹

СОВРЕМЕННОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО: АКТУАЛЬНОСТЬ КОМПАРАТИВИСТИКИ И КОНЦЕПТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Современное конституционное право качественно несводимо к традиционному отраслевому формату, адогматично и инвариантно². На основе верховенства такого права могут достигать относительно устойчивых состояний разнообразные общественные порядки, ситуационно адаптируемые к вызовам времени. Конституционная инвариантность проецируется и на суверенную политическую составляющую в той мере, в какой легитимные стратегии обеспечения прав человека различаются именно по данному критерию.

Вместе с тем конституционное правовопонимание глубоко национально и исключает мировоззренческую бесосновность, в том числе при наличии номинального запрета на идеологию государственную или обязательную (ст. 13 Конституции РФ). Реальный конституционализм остается выражением конституционной идентичности и конституционного мировоззрения даже в контексте принципа идеологического многообразия³. Философия конституционализма есть философия жизни народа под знаком конституционализации *ego* национального права как перманентного процесса объективирования правовой материи, потенциально данной («сокрытой») в тексте конституции⁴. Конституционный плюрализм, как и диалектика множественного в едином, не противоречит конституционному идеалу, в отличие от намерений подвести его под ту или иную догматику «конституционного монизма».

Не отрицается, а предполагается также глобальное множество национальных конституционных моделей. Их сравнительный анализ в соотношении с международными стандартами прав человека — важный ресурс методологии конституционализации. Другое дело, что и подобным образом полученные выводы и суждения не могут поколебать принцип верховенства Конституции РФ как эталона национального права. В конечном счете внутригосударственное право идентифицируется, а следовательно, и существует только благодаря национальной Конституции. Даже претендующая на по-

зицию «пост-постмодернизма» философия компаративизма⁵ должна исходить из конституционной, а не компаративной природы права, поскольку «компаративная содержательность» постулируется конституционной гносеологией.

С учетом изложенного заявленная относительно недавно идея принципиальной возможности и фактического становления интернационального (международного) конституционного права видится нам далеко не безобидным оксюмороном. Как элемент риторики пропагандистского толка эта доктринальная «новация» не только пропитана архаикой и коннотациями «классового этатизма», но подспудно направлена на изживание (развенчание) *культурно-правовой традиции* как таковой. Фактически мы здесь имеем дело с развитием тех кризисных тенденций, о которых авторитетные авторы говорили задолго до глобализации⁶.

Конституционная философия права включает и созвучную ей антропологию. С позиций конституционного правовопонимания любая модернизация национальной правовой системы должна рассматриваться сквозь призму неизбежного влияния на общественное правосознание. Поэтому не только реализации, но и обсуждения заслуживают лишь те «сценарии» правовых преобразований, которые не являются оправданием инициирования и насаждения *иностранного сущего*, генетически чуждого здоровой народной целостности. Тем более что на поверку подобные обоснования обнаруживают готовность к очередному «переподчинению» права политике.

Как известно, глобальные технологии «демократического обновления» («цветные революции» и «арабская весна») основывались на отрицании легитимности суверенных институтов и практик, сколько-либо отступающих от североатлантических стандартов. Результаты же инициированных «преобразований» обернулись катализатором кризиса уже демократической легитимности и «веры» масс в возможность адекватного восприятия властными институтами их электоральных обращений. Мы не беремся судить о политических последствиях такого осознания, но обязаны озаботиться тем, чтобы оно не повлекло девальвацию идеи права как нормы политической справедливости (Аристотель), ценности неотчуждаемых прав человека и самого «человека современного юридического». Наряду с этим философия конституционализма не обязана быть комплиментарной по отношению к целому спектру тех плюралистических ценностей, которые во многом предопределили глобальные кризисные явления.

¹ Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч.: «Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности», «Теория конституционного правопользования», «Конституционализация права: основы теории» (монографии), «Злоупотребление правом» (учеб. пособие), «Конституционное право России» (учебник), «Законодательная стратегия и конституционализация права», «Некоторые аспекты конституционализации нотариальной практики в Российской Федерации», «Избирательная система в механизме конституционного обеспечения прав человека» и др. Член Российской академии юридических наук. Член Союза писателей России. Лауреат Литературной премии им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

² См.: Конституционное право России : учебник для бакалавров / под ред. И. В. Выдрына. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 16–19.

³ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : моногр. 2-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 44–45.

⁴ См.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : моногр. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 14–21.

⁵ См.: Тихомиров А. Д. Философские проблемы правовой компаративистики : открытая лекция. Киев : Логос, 2009. С. 29–30. (Сер. науч.-метод. изданий «Академия сравнительного правоведения»; Вып. 17).

⁶ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова : Инфра-М—Норма, 1998. С. 48–54.

Цели и ценности, как известно, суть две стороны всякой мировоззренческой установки, но именно цели определяют средства, оправдывая и раскрывая их подлинность или ложность. «Современная» философия потребления «упакована» в модную пелену толерантности и гуманизма, но на деле глубоко архаична и потому ветха. Покровы эти, как оказалось, легко разрушаются реактивами хаотической дестабилизации и щелочью экономических кризисов, обнаруживая предпологаемую сердцевину, вполне исчерпываемую банальной телеологией «золотого миллиарда». Миграционный катклизм в контексте «реэспортных» соглашений Евросоюза с турецким «логистическим центром» открывает банальную «нищету историцизма» (К. Поппер) даже в постмодернистской «упаковке». «Логика ситуации»¹ убедительно работает и по отношению к эволюционистской парадигме «открытого общества свободных индивидуумов». «Экономическим» мигрантам не нашлось места на корабле «всеобщего благоденствия»; апелляции жаждущих причаститься (без отрыва от матрицы своей традиционной идентичности) у «алтаря» обеспеченного достоинства благоразумно отклонены консолидированной волей политических институтов и элит.

Правозащитники уже «возвысили голоса» в защиту прав мигрантов, но гораздо показательнее то, как «умеряют» их звучание до уместного уровня демократические западные СМИ. Постиндустриальный космополитизм сочетается с рекламными растяжками и парафразами «естественного права» и глубоко враждебен всякой последовательно-правовой коммуникации. На цифровой платформе тотальной индивидуализации и релятивизма происходит фундаментальный разрыв любого правового дискурса, более того — отрицается его принципиальная возможность за рамками ситуационной имитации. «Свобода без дефиниций» (М. Фуко) предполагает игру без правил. Интернациональные «рекомендации» помогают только объяснить, почему *должен* (*должен был*) победить сильнейший и кто этот сильнейший. И, конечно же, рекомендациями здесь ничего не добиться. Необходимую правоту высказывания будет утверждать тот же самый сильнейший, хотя бы и в особом — институциональном — обличье. Потому и для России проект интернационального конституционного права равнозначен призыву не только к добровольно-инклюзивному подчинению праву Евросоюза без какой-либо надежды на политическую и экономическую интеграцию в это объединение, но и к отказу от того конституционного суверенитета, значение которого высветил драматический диалог Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Затянувшийся спор высоких юридических инстанций всесторонне отображен в научной литературе и публицистике, известны аргументы и правовые позиции сторон, но поставить в нем точку вряд ли получится, поскольку он переместился уже в сугубо политическую плоскость. Произошло это, когда российский законодатель, опираясь на правовые позиции Консти-

туционного Суда РФ², осуществил конституционализацию механизма разрешения базовых коллизий толкования положений, затрагивающих права человека, исходя из наличия для России только одного безоговорочно достоверного права, соответствующего букве и духу Конституции РФ³. Вначале данное решение «обеспокоило» Совет Европы. Затем, поскольку российская власть пересмотрела значение для себя такой *политической* обеспокоенности, к делу подключилась авторитетная в доктринально-юридическом плане Венецианская комиссия, призывая изменить законоположения, «препятствующие исполнению международных решений, признанных не соответствующими Конституции РФ»⁴. Приверженцы интернационализации конституционного права не могли бы точнее выразить свою мысль: «Россия не может (не готова, не способна, et cetera) *понять* собственную Конституцию».

Логически завершенная и воплощенная идея конституционной интернационализации не оставляет места для органов национальной конституционной юстиции. Интернационалом (как показала история) руководят из одного центра. Первым этапом на этом пути может стать критика легитимности конституционного правосудия. Признаки соответствующего тренда уже можно найти повсюду: и в «склонной» к авторитаризму Турции, где глава государства публично трактует решения Конституционного суда как направленные «против народа и страны» и призывает обсудить целесообразность его существования⁵, и в демократически благополучной Польше, где о конституционности позиций Конституционного суда с не меньшей легкостью берутся судить и президент страны, и правительство, и министр юстиции⁶.

Показательное противостояние институтов федеральной власти США по вопросу вакансии должности судьи Верховного суда также побуждает задуматься и о вере этой страны в верховенство права, и соответственно о независимости ее судей.

Складывается ощущение, что по мере развития кризиса демократической легитимности начинается новый виток «борьбы за право» (Эрлих). Специфика его — в стремлении утвердить за собой приоритет говорить от имени народа на «аутентичном» языке права, быть легитимным рупором базовых принципов жизни государства и гражданского общества. Интуитивно-прагматическим образом право при этом отождествляется с Конституцией: политическая власть вновь демонстрирует макиавеллиевское чутье на наиболее эффективные средства достижения своих целей. и именно интернационализация обещает максималь-

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Рос. газета. 2015. 27 июля.

³ См.: Крусс В. И. Указ. соч. С. 185–186.

⁴ Венецианская комиссия Совета Европы предложила России внести ряд поправок в закон о Конституционном Суде. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1612963/?fb#ixzz42fcTub2j> (дата обращения: 15.03.2014).

⁵ Эрдоган пригрозил Конституционному суду Турции... URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2016/03/11/n_8356745.shtml (дата обращения: 15.03.2014).

⁶ Министр Польши: Заключение Конституционного суда не имеет правовой силы. URL: <http://watch.online.ua/teletcast/116105/konstitutsionnyy-krizis-v-polshe/> (дата обращения: 15.03.2014).

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М. : Феникс, 1992. Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. С. 305–306.

ную свободу таких высказываний от демократического контекста, открывает перспективу информационной санации институтов наднациональной меритократии.

Интернационализация конституционного права, как и правовая глобализация в целом, для России — проекты конституционно неприемлемые. Конституция РФ обязывает Российскую Федерацию к философии и практике *правового сосуществования в эпоху глоба-*

лизации, а отечественное правоведение — к разработке соответствующего концепта. Философия и теория конституционализации права под знаком правопользования, обеспеченного без ущерба для *иных высших* (конституционных) ценностей, феноменально хранимых в глубинах народного правосознания, на наш взгляд, имеет достаточные основания утверждать свою связь с искомой концептуализацией.